

величія, но восторги котораго были неестественны, предвѣщали новое направленіе искусства, которое должно было стремиться давать въ каждой картинѣ какъ бы конспектъ всеобщей исторіи. Пилоти, безспорно даровитый въ своихъ первыхъ картинахъ, но всегда обращавшій подобно мейнингенцамъ на сценѣ, больше вниманія на костюмъ, чѣмъ на характеры, закончилъ свое поприще картинами съ чисто балетной обстановкой (его Туснельда проходитъ мимо Нерона балетнымъ па танцовщицы), а въ широкихъ полотнахъ Макарта видна скорѣе кисть декоратора, чѣмъ душа художника. Если бы мнѣ пришлось выбирать между этими двумя направленіями, то я отдалъ бы предпочтеніе второму, потому что въ картинѣ, все-таки, всегда первое кисть, но, строго говоря, я не поклонникъ ни того, ни другого направленія. Въ Макартѣ во всякомъ случаѣ нельзя не признать извѣстной оригинальности; его сфера—огонь красокъ, какъ огонь костра—сфера сказочной саламандры; онъ любитъ пурпуръ какъ философъ правду, ради ея самой. Картины его—ярко расписанныя, отличныя декорации для столовой, но и только; тѣ, которыя были выставлены въ Берлинѣ, положительно своего рода вакханаліи красокъ, но и здѣсь ему, какъ и Пилоти, недостаетъ жизни, а безъ жизни нѣтъ творчества. Я говорю съ умысломъ: жизни, а не „души“ и не „чувства“, слова, которыми такъ злоупотребляютъ. Макарту недостаетъ не идеализма, отъ избытка котораго Боже избави нѣмецкихъ художниковъ! Пусть Макартъ будетъ еще много разъ чувственнѣе въ своихъ картинахъ, пусть молится еще болѣе на красоту тѣла, художнику это прибавитъ только силъ, но ему необходимо еще вдохновеніе, которое заставляетъ вѣрить въ изображенные имъ лица, какъ въ живыя существа, а этого-то именно ему и недостаетъ; картины его не вызываютъ иллюзіи. Костюмы его всегда выписаны лучше, чѣмъ фигуры, на которыхъ они одѣты—это холодныя модели, которыя не дышатъ, не чувствуютъ, не влекутъ. Во всякомъ случаѣ я считаю „Катарину Корнаро“ Макарта неудачнымъ произведеніемъ. Въ собраніи картинъ Разцинскаго въ Берлинѣ находится небольшой эскизъ красками, изображающій королеву эльфовъ, несомую по лѣсу; картина эта, не смотря на всю ея незначительность и неприглядность, показываетъ несомнѣнно въ художникѣ широкую и необузданную фантазію, а этого-то здѣсь совсѣмъ и не замѣчаютъ. Гигантская же картина Макарта „Корнаро“ не даетъ, напротивъ, фантазіи ни малѣйшей пищи, а еѹ-то и восхищаются.

Чѣмъ больше смотришь на Макарта, тѣмъ яснѣе чувствуется въ немъ австрійскій художникъ. Въ произведеніяхъ австрій-